

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.1/8

РАЗНОУРОВНЕВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Н.В. Друзина

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра романских языков
E-mail: natali_ _ya@mail.ru

В статье рассматривается соотношение понятий «языковая картина мира», «картина мира» и «концептуальная картина мира». Показываются возможности отражения языковой картины мира на различных языковых уровнях. Анализируется национально-культурная специфика фразеологизмов в разных языках.

Ключевые слова: языковая картина мира, картина мира, национальная концептосфера, антропоцентризм, фразеологизм, соматизм.

Multi-level Representation of the Language Picture of the World

N.V. Druzina

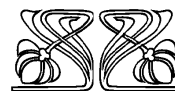
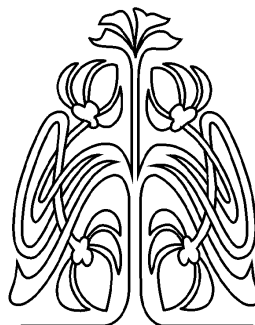
The article explores the correlation of the concepts of «the language picture of the world», «the picture of the world» and «the conceptual picture of the world», describes the possibilities of the reflection of the language picture of the world on different language levels and analyses the national peculiarities of idioms in different languages.

Key words: language picture of the world, picture of the world, national conceptosphere, anthropocentrism, idiom, somatism.

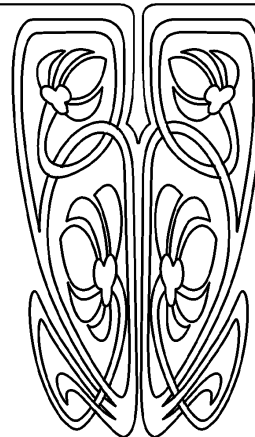
Как известно, в лингвистику понятие «языковая картина мира» было введено в 50-е гг. прошлого века немецким исследователем Л. Вайсгербером, который понимал под ним ту ситуацию, в которой сочетается субъективное «Человеческое» и объективное «Действительное»¹. В дальнейшем ЯКМ получила множество трактовок, каждая из которых делала акцент на отдельных сторонах обозначаемого понятия, что и мешало перевести словосочетание «языковая картина мира» из разряда образных выражений в разряд терминов².

Следует учитывать, что понятия «языковая картина мира» и «картина мира» не являются синонимами. Понятие «картина мира», все более активно используемое в гуманитарных исследованиях последних лет, строится на изучении представлений о мире и проявляется в виде национальной концептосферы. Национальная концептосфера, определяемая как «совокупность обработанных и стандартизованных концептов в сознании народа»³, отражает мировоззрение и миропонимание, свойственные конкретной нации на определенном этапе ее культурно-исторического развития. Это своего рода «сетка координат», которой данный народ «улавливает мир» и регламентирует свою деятельность в нем, передавая этот опыт в будущее⁴. Близкую по своей сути мысль высказывал в свое время Ф. Ницше, характеризуя картину мира следующим образом: «Благодаря тому, что в течение тысячелетий мы смотрели на мир с моральными, религиозными, эстетическими притязаниями, со слепым влечением, со страстью и страхом... этот мир постепенно стал удивительно пестрым... он приобрел краски, но мы сами были его колористами...»⁵.

Ю.Н. Караулов отмечает, что все, что принято связывать с национальным характером и национальной спецификой, имеет только один «временной промер» – исторический, национальное всегда

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

диахронно⁶. Вполне закономерно, что все, что отражает специфику психологического склада того или иного народа, самобытность национального мышления, особую, неповторимую проекцию инварианта бытия, находит преломление и наиболее яркое воплощение во фразеологии, образно называемой «кладезем народного духа». Фразеология действительно представляет собой, с одной стороны, «сгусток» истории языка, который фиксирует жизнь соответствующего языкового сообщества на всех этапах его развития, а с другой – своего рода зеркало соответствующей этнической психологии. Собственно, язык вообще сравним с зеркалом, отражающим своего создателя, народ. Ю.С. Степанов, представляя народ в виде отдельного существа, гиганта, утверждает, что этот гигант любит любоваться собой в это зеркало, «как делают, например, мужчины во время бритья»⁷.

Языковедами подчеркивается антропологический смысл термина «картина мира». В частности, А.В. Миллер считает нужным заметить, что данный термин не приложим к совокупности материальных объектов окружающей нас действительности. «Картина мира» – это не отражение мира, а «воплощение результатов духовной деятельности человека в этом мире». Из чего следует, что «картина мира» не может рассматриваться изолированно от человеческого сознания и его способности структурировать свои представления о действительности. Исследователь находит неслучайным становление названного термина именно на фоне общей тенденции к смещению интереса от исследования и освоения внешнего мира к изучению внутреннего смыслового пространства личности, выявлению новых образов познания и систем репрезентации знаний. Более того, он считает, что «фактически речь идет о попытке выйти за рамки теории отражения и обосновать существование особой “интенциональной реальности”, которая не только влияет на характер восприятия мира, но и сама способна порождать новое знание»⁸. (О возможностях иного понимания сущности картины мира см. статью Бондаренко)⁹.

Понятие «картина мира» берет свое начало из предположения о существовании двух миров – первичного и вторичного, независимого и зависимого. «Объективность этих двух миров – объективного и субъективного – не снимается ни при каких условиях, и только единственный вопрос – об отражении первичного мира во вторичном является принципиальным и существенным для жизнедеятельности человека»¹⁰. Считается, что вся информация из внешнего мира проходит через картину мира, представляющую собой систему понятий и символов, достаточно жестко зафиксированных в сознании человека. На интерпретирующую роль человеческого сознания указывал и Г. Гийом: «Мир глазами человека – это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать

мир, заключенный в нас»¹¹. Эта ментальная схема, картина мира пропускает только ту информацию, которая предусмотрена ею. Важность информации оценивается с позиций культурных и этнических ценностей. Именно культурные ценности определяют в соответствии с картиной мира «нужность» или «ненужность» информации. В.И. Постовалова обращает внимание на то, что картина мира является собой центральное понятие концепции человека, выражающее специфику его бытия, «она есть его целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека»¹². Факт отражения в языке этого вторичного, идеального мира и позволяет оперировать понятием «языковая картина мира».

«Языковая картина мира» как совокупность реконструированных семантических полей, классов взаимосвязанных и взаимообусловленных единиц языка представляет собой вполне конкретную лингвистическую категорию. Наряду с лексикой она включает и релевантные для данного языка грамматические значения, и те, во многом бессознательные способы, которыми говорящий на том или ином языке организует языковую действительность, и те системы грамматических оппозиций, которые носители данного языка используют для языкового представления действительности. Если принять положение, что любой естественный язык некоторым образом концептуализирует окружающий мир, то языковая картина мира может быть определена как концептуальная картина мира человека. По мнению В.Н. Денисенко, в этой совокупности знаний о мире, запечатленных в единицах языка, имеются также и образы. Исследователь аргументирует свою позицию как более широким пониманием того, что такое знание вообще, так и более широким пониманием лексического значения, и справедливо замечает, что образ, как правило, формируется в системе знаний¹³. Отметим, что Г. Гийом в свое время говорил о видении человеком реальности «при обязательном посредстве образа, который он носит в себе» и считал это посредничество неотделимым от человеческого взгляда¹⁴.

Относительно использования понятия «концептуальная картина мира» следует заметить, что речь идет о модели представления логических связей, идеального образа мира в сознании человека и человечества, который строится по универсальным общечеловеческим законам. Основные концептуальные категории при этом универсальны в том смысле, что они присущи всем людям, независимо от исторической эпохи, и доступны для понимания всем языковым коллективам. В то же время концептуальная картина мира предполагает возможность разного восприятия этих категорий и разного отношения к ним в разных культурах, хотя картина логических категорий и не зависит непосредственно от языков¹⁵. Таким образом, концептуальная картина мира есть некая идеальная сущность, глобальный инвариантный

образ мира, лежащий в основе мировидения носителей той или иной культуры. В зависимости от сложности социокультурной стратификации таких инвариантных образов мира, как справедливо отмечает И.В. Палашевская, может быть сколько угодно, но при всем их разнообразии в пределах одной культуры всегда существует один инвариант¹⁶. Б.А. Серебренников считает необходимым различать две картины мира – концептуальную и языковую. Исследователь считает вероятным участие в образовании первой различных типов мышления, что и объясняет большее ее богатство по сравнению с языковой картиной мира¹⁷.

Информационный подход к культуре позволяет языковедам рассматривать картину мира как многогранный ментальный феномен, который связывает язык с мышлением, с окружающим миром, с культурно-эстетическими реалиями и содержанием сложных абстрактных понятий, функционирующих в самом языке. При этом язык наделяется универсальной структурой, национальные формы которой лишь взаимокompенсируют варианты этой структуры¹⁸.

Существование сложных отношений между картиной мира как отображением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения посредством языка – средства кодирования и передачи культурной информации – определяется тем, что «семантическая система ни структурно, ни функционально, ни содержательно не сводима к лингвистическим структурам»¹⁹. Концепты, включенные в концептосферу народов, говорящих на разных языках, как правило, во многом одинаковы по своей природе. Однако вербальное выражение понятийного (мыслительно-абстрактного) содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности, вариативно и в способах номинации, и в развитии определенных оценочных значений на основе ассоциаций, в системе образных средств, в формировании фразеологического фонда языка.

Как известно, антропоцентристская/этноцентристская традиция повлияла на создание известной теории лингвистической относительности²⁰. Ее идеи уже около полувека активно обсуждаются и дополняются лингвистами (К. Леви-Строс, М. Блэк, В.А. Звегинцев, Г.А. Брутян, В.З. Панфилов, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.А. Васильев, М. Коул, С. Скрибнер, Ю.С. Степанов, А. Вежицкая). Как в свое время писал В. Гумбольдт, сформулировавший мысль о существовании особого языкового мировидения еще в начале XIX в., разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее. У разных народов свои чувства, свои фантазии, которые рождают «индивидуальные образования». В последних и отражается индивидуальный характер нации. Именно поэтому невозможна полная синонимия слов разных языков, обозначающих одно и то же²¹. Иначе говоря, язык и образ мышления взаимосвязаны. С одной

стороны, в языке находят отражение те аспекты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными носителям культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, «овладевая языком, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В таком смысле возможно говорить о влиянии языка на «отражение» и «формирование» образа мышления носителей языка»²².

А.А. Леонтьев вполне категорично заявляет: «Пора понять, что в основе мировоззрения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, предметных схем. Поэтому сознание человека всегда предметно обусловлено...» И далее: «... видение мира одним народом нельзя простым “перекодированием” перевести на язык культуры другого народа»²³. В правомерности такого вывода убеждается любой изучающий иностранный язык.

Таким образом, языковая картина мира получает представление вербализованного образа действительности, существующего в сознании человека, оказывающего влияние на его когнитивную, ментальную деятельность, систему его убеждений и ценностную ориентацию. При этом языковая картина мира рассматривается не только как некая сумма знаний, результат развития языка, но и как источник его развития, отражающий тенденции преобразований в области взаимодействия языка и мышления. Актуальность исследования национально-культурной специфики картины мира признана в последнее время мировой наукой и практикой. Это, по мнению А.А. Залевской, вполне согласуется с общей тенденцией различных наук отводить культуре центральное место в теоретических построениях, в той или иной степени связанных с изучением человека²⁴.

Национально-специфические черты, присущие языковой картине мира, получают выражение на всех уровнях: морфологическом, синтаксическом, фонетическом. Причем базовые представления о мире фиксируются, в первую очередь, в морфологии, которая выступает в качестве базы для формирования смысла. Именно морфологическая система отражает категоризацию наиболее важных участков концептуальной картины мира. Высказывается предположение, что грамматические категории, и морфологические в частности, составляют единство концептуального содержания и средств его выражения в каждом конкретном языке.

Любая единица языка может быть признана знаком, содержащим национально-культурный компонент²⁶, но наиболее ярко последний проявляется в тех единицах, которые непосредственно отражают внеязыковую действительность и имеют образно-символическую основу. К числу таких единиц относятся как отдельные слова, и в

первую очередь безэквивалентная лексика²⁷, так и фразеологизмы, крылатые выражения, афоризмы, паремии – языковые единицы, отражающие при помощи ограниченного числа средств особенности национального менталитета, мировосприятия носителя языка.

Проследим отражение языковой картины мира на материале французских, испанских, английских и немецких фразеологизмов. Ограничимся той частью национальных культур, которая связана с выделением одного из фрагментов бытия человека, а именно, его «самой неотторжимой собственностью», находящей языковое воплощение в соматизмах.

Наиболее активными в образовании рассматриваемых фразеологических единицы (ФЕ) оказались (в порядке убывания) следующие соматизмы:

фр. *coeur* сердце, *main* кисть руки, *oeil* глаз, *tête* голова, *pied* ступня, *bouche* рот, *nez* нос, *langue* язык, *jambe* нога, *bras* рука;

исп. *ojo* глаз, *mano* кисть руки, *cabeza* голова, *cara* лицо, *corazon* сердце, *pie* ступня, *sangre* кровь, *uña* ноготь, *seso* мозг, *dedo* палец;

англ. *foot* ступня, *eye* глаз, *head* голова, *hand* кисть руки, *tongue* язык, *finger* палец, *heart* сердце, *leg* нога, *ear* ухо, *arm* рука;

нем. *Herz* сердце, *Hand* кисть руки, *Ohren* уши, *Augen* глаза, *Kopf* голова, *Maul* фам. рот, *Nerv* нерв, *Nase* нос, *Ader* вена, *сосуд*;

рус. *рука*, *голова*, *глаз*, *сердце*.

Примечательно, что именно эти соматизмы имеют большой удельный вес и высокую частотность в общем массиве ФЕ соответствующих языков. В частности, во французской фразеологии самой активной лексемой считают *tête*²⁸, как правило, она входит в состав так называемых фразеологизмов интеллектуальной оценки, за ней называют *main*, *pied*, *oeil*, *nez*²⁹. В испанской фразеологии в качестве ключевых используются такие соматические компоненты, как *mano*, *ojo*, *pie*, *corazon*³⁰. В немецком языке среди 17 наиболее частотных существительных в составе ФЕ обнаруживают 11 соматизмов, и среди них именно *Hand*, *Kopf*, *Auge (n)*, *Herz*, *Ohr* открывают список. В русском языке соответствующий список начинают соматизмы *глаз (а)*, *рука*, *голова*³¹.

Следует отметить, что при отсутствии каких-либо определителей соматизмы выступают в качестве символов различных качеств, характерных для человека, синтезируя универсальное и национальное.

Противопоставляясь голове, в которой локализуется интеллектуальная жизнь человека, сердце как средоточие эмоциональной жизни человека³² символизирует и его «духовные центры»:

фр. *avoir le coeur* – *иметь мужество, осмелиться на что-л.*; нем. *ein Herz haben* – *быть сердечным, отзывчивым*.

В группе фразеологизмов с компонентом *рука* ясно различимы несколько архетипов. Например,

рука – символ власти, права, силы; *рука* – орудие приобретения материальных благ:

исп. *tener mano* – *заправлять, руководить*; рус. *иметь руку* – *располагать связями, протекцией, пользоваться покровительством, влиятельной поддержкой*.

Образы, составляющие национально-культурную специфику мышления, также соотносятся с универсальными понятиями:

англ. *have (got) guts* разг. *быть твердым, решительным человеком, иметь сильный характер, сильную волю*; нем. *Rückgrat haben* разг. *обладать твердым характером, твердо придерживаться своих принципов*; исп. *tener bigotes* – *быть стойким, непоколебимым (в решениях)*.

Как правило, соматизм сопровождается определением в виде одиночного прилагательного (в том числе количественного и притяжательного):

фр. *avoir un pied parisien* досл. ‘иметь парижскую ступню’ – разг. *быть истинным парижанином*; *avoir cent bras* – досл. ‘иметь сто рук’, *быть активным, деятельным*; *avoir sa tête à soi* досл. ‘иметь свою собственную голову’ – *иметь свой взгляд на вещи, проявлять характер*; исп. *tener narices largas* досл. ‘иметь широкие ноздри’ – *обладать тонким нюхом*; *tener muchos pies* досл. ‘у него много ступней’ – *легок на ногу*; англ. *have (got) long ears* досл. ‘иметь длинные уши’ – *быть любопытным*; нем. *gute Ohren haben* досл. ‘иметь хорошие уши’ – *обладать хорошим слухом*; рус. *иметь крепкую голову* – *не пьянеть*;

реже – причастия или существительного с предлогом:

фр. *avoir la tête bien meublée* ‘иметь хорошо меблированную голову’ – *иметь большие познания*; *avoir le nez de chien* досл. ‘иметь собачий нос’ – прост. *быть в стельку пьяным*; *avoir le coeur en marmelade* досл. ‘иметь сердце из мармелада’ – разг. *раскиснуть, расчувствоваться*; *avoir un bras de coton* досл. ‘иметь ватную руку’ – разг. *быть слишком слабохарактерным, податливым*; исп. *tiene la cara enfangada* досл. ‘иметь перепачканное лицо’ – *у него рыльце в пушку*; *tener un corazon de bronce* досл. ‘иметь бронзовое сердце’ – *иметь каменное сердце*; англ. *have one's mouth made up for smth* досл. ‘иметь рот, специально устроенный для чего-л.’ – *предвкушать что-л.*, *быть склонным к чему-л.*; рус. *иметь хорошо подвешенный язык* – *иметь красноречиво, сладко говорить*;

в отдельных случаях – сравнительной конструкции (аналогом которой в немецком языке часто выступает сложное слово) или придаточного предложения:

фр. *avoir une bouche comme le métro* досл. ‘иметь рот как метро’ – разг. *иметь рот до ушей*; исп. *tener la cabeza como una rueda de molino* досл. ‘иметь голову как мельничное колесо’ – *у него голова как котел*; англ. *have (got) eyes like a hawk* досл. ‘иметь глаза как у ястреба’ – *иметь острое зрение, быть очень наблюдательным*; нем. *ein Herz wie Butter haben* досл. ‘иметь сердце

как масло – *быть мягкосердечным*; *j-d hat eine Elefantenhaut* – *кто-л толстокож*; *кого-л. ничем не проймешь*; *avoir un oeil qui dit merde a l'autre* – *груб. быть косоглазым*; рус. *иметь руки как грабли* – о неумелом, неловком человеке.

Своего рода определением соматизма может служить указание на место его нахождения, например:

фр. *avoir la tête près du bonnet* досл. ‘иметь голову близко к шапке’ – разг. *быть крайне вспыльчивым, раздражительным*.

Любопытно, что одна из версий происхождения данной идиомы связывается с историческим фактом, согласно которому придворные шуты династии Валуа (XIV–XVI вв.) fous (сумасшедшие) имели право говорить монархам в лицо все что вздумается без каких-либо последствий для себя. Они носили специальные колпаки (bonnet), указывающие на их профессию. Таким образом, приведенное выражение характеризует человека, склонного к безрассудным поступкам, колпак же рассматривается как символ безумия³³.

Как правило, характеризующая локализация одного соматизма связана с представлением другого соматизма:

фр. *avoir les yeux au bout des doigts* досл. ‘иметь глаза на кончиках пальцев’ – а) *обладать очень тонким осязанием*; б) *быть искусным в тонких ручных работах*; исп. *tener los sesos en los calcacales* – досл. ‘иметь мозги в пятках’ – *мозги набекрень (у кого-л.)*; англ. *have eyes at (in) the back of one's head* – досл. ‘иметь глаза на затылке’, *все видеть, все замечать*; нем. *Haare auf den Zähnen haben* досл. ‘иметь волосы на зубах’ – разг. неодобр. *быть зубастым (или ершистым), быть дерзким на язык*; рус. *иметь голову на плечах* – *быть умным, рассудительным, сообразительным*.

Такие формально локативные структуры особенно многочисленны в английской части анализируемого нами материала.

Примечательно, что даже незначительная, казалось бы, семантическая вариативность локативного элемента зачастую приводит к полному изменению значения ФЕ. Сравним:

фр. *avoir le coeur sur / à la bouche* (досл. ‘иметь сердце на устах’) – *говорить искренне, откровенно* – и *avoir le coeur au bord des lèvres* (досл. ‘иметь сердце у края губ’) – *испытывать тошноту, позывы к рвоте* (заметим, что в данном случае соматизм *coeur* ‘сердце’ вряд ли можно рассматривать как эвфемизм соматизма *estomac* ‘желудок’, ибо ФЕ *avoir l'estomac au bout des lèvres* имеет иное, вполне положительное значение: *il a l'estomac au bout des lèvres* – *у него слюнки текут*).

Именно неожиданность приписываемых соматизмам характеристик часто создает национальную специфику рассматриваемых ФЕ:

фр. *avoir les yeux plus grands que le ventre* досл. ‘иметь глаза больше живота’ – а) *быть завист-*

ливым; иметь глаза завидующие; б) *иметь большие претензии, чем способностей*;

исп. *tener sangre en el ojo* досл. ‘иметь кровь в глазу’ – *держат камень за пазухой*;

нем. *kalte Füße haben* досл. ‘иметь холодную стопу’ – разг. фам. *трусить, трепетать, дрожать от страха*.

Использование акваториальной лексики относятся к лингвокультурному этноспецифическому английскому образу и связывают со средой обитания носителей языка островного государства³⁴, например:

have good sea legs – *не быть подверженным морской болезни, хорошо переносить качку*.

Авторы справедливо указывают на редкость полного совпадения в плане содержания и в плане выражения ФЕ разноструктурных языков³⁵. Причем объясняют это не только национально-культурным своеобразием фразеологизмов, но и несовпадением техники вторичной номинации³⁶.

Тем не менее в западноевропейских языках есть немало фразеологизмов, поддающихся дословному переводу на русский язык. В частности, из французского языка был заимствован фразеологизм *avoir une dent contre quelqu'un* – *иметь зуб на кого-л.*³⁷.оборот, употребляющийся с начала XIX в., вероятно, пришел из речи картежников: недовольный игрой партнера игрок в качестве протеста рисовал в записях игры против его имени зуб³⁸. Примечательно, что в немецком языке также имеется данная ФЕ: *auf j-n einen Zahn haben*. Таким образом, не только в русском и французском языках соматизм *зуб (ы)* имеет значение агрессивности, связанное со способностью наносить укусы³⁹. Это верно и для немецкого языка. Однако близкие по внутренней форме фр. *avoir toujours les mains dans ses poches* досл. ‘всегда держать руки в карманах’ и нем. *immer die Hand in der Tasche haben* досл. ‘всегда держать руку в кармане’ далеко не идентичны. Французский фразеологизм имеет значение *жить в праздности, ничего не делать, пальцем о палец не ударить*, а немецкий – *быть щедрым*.

Наличие отрицания в описываемых ФЕ – единичные реализации – обычно соотносится с негативной оценкой той или иной черты человеческого характера. Например:

фр. *n'avoir pas de moelle dans les os* разг. *il n'a pas de moelle dans les os* – *он слаб в коленках*;

исп. *no tiene manos limpias* – *он на руку нечист*;

англ. *not to have a leg to stand on* – *не иметь оправдания, извинения*;

нем. *keine Nerven (mehr) haben* – разг. *не выдерживать, не совладать с нервами*.

рус. *не иметь сердца* – *быть черствым, бессердечным*.

В силу метафорического характера анализируемых ФЕ конструкции с соматизмами реализуют вторичные значения и соотносятся прежде всего

с ситуациями, представляющими качественную характеристику субъекта, описывая поведение человека, его психическое состояние, отношение к другим людям, по-разному акцентируя ценностный аспект именно этой стороны бытия человека. Таким образом, в процессе коммуникации ФЕ данной структуры соматизмы функционируют как характеризующие знаки⁴⁰.

В заключение повторим, что одна из основных функций языка состоит в накоплении и хранении культурно-значимой информации. Именно в качестве хранилища коллективного опыта его рассматривают как составную часть культуры. В связи с этим обращение к фразеологическим единицам, являющимся мощным средством компрессии информации, позволяет осмыслить восприятие окружающей действительности через призму ментальных моделей языковой картины мира в сознании разных народов. Это, в свою очередь, помогает глубже понять процесс формирования диалога языка и культуры в их взаимодействии⁴¹. Культура составляет содержательный аспект языка. В свою очередь, сам язык, созданный определенным человеческим обществом, признается важнейшим элементом его культуры. Очевидно, что выявление собственно национальных свойств единиц одного языка требует сопоставления с аналогами в других языках.

Примечания

- 1 Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache. B. 2. Von Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1954.
- 2 См.: Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999. С. 75.
- 3 Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. С. 64.
- 4 См.: Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1998. С. 44.
- 5 Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Ницше Ф. Сочинения. М.; Харьков, 1998. С. 31.
- 6 Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 39–40.
- 7 Степанов Ю.С. Характеры народов в зеркале их собственных языков // Вісник Харків. нац. ун-ту. 2000. № 471. С. 250.
- 8 Миллер Л.В. Художественная картина мира и национальная эстетическая традиция (о некоторых механизмах образования художественных смыслов) // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. СПб., 2003. С. 29.
- 9 См.: Бондаренко Е.В. Картина мира: опыт лингвокогнитивного синтеза // Вісник Харків. нац. ун-ту. 2004. № 635.
- 10 Колишанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 14.
- 11 Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 144.
- 12 Постовалова В.И. Картина мира и жизнедеятельность человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 18–19.
- 13 См.: Денисенко В.Н. Семантическое поле «изменение» в языковой картине мира // Вест. РУДН. Сер. Лингвистика. 2004. № 6. С. 123.
- 14 Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. С. 144.
- 15 См.: Михневич А.Е., Токарева И.И., Третьякова Г.Н. Предисловие // Язык. Знание. Коммуникация. Культура: В 3 ч. Минск, 2003. Ч. 1. С. 5–42.
- 16 См.: Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001. С. 7.
- 17 См.: Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. С. 105.
- 18 Колишанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 187.
- 19 Павленис Р.П. Статус смысла в естественном языке // Методологические проблемы анализа языка. Ереван, 1976. С. 108.
- 20 См.: Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 270–284.
- 21 См.: Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 306.
- 22 Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. С. 12.
- 23 Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 23.
- 24 См.: Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее пониманию // Языковое сознание и образ мира. М., 2000. С. 39.
- 25 См.: Беседина Н.А. Морфология как форма объективации языкового сознания // Филология и культура: Материалы IV Междунар. науч. конф. Тамбов, 2003; Иволгина С.В. К вопросу о соотношении грамматической категории и концепта // Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.
- 26 Клоков В.Т. Концептный компонент значения языковых и речевых единиц // Романо-германская филология. Саратов, 2003. Вып. 3. С. 8–11.
- 27 См.: Нерознак В.П. От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998. Вып. 1. С. 85.
- 28 См.: Соколова Г.Г. Фразеобразование во французском языке. М., 1987. С. 42.
- 29 Клоков В.Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование. Саратов, 2000. С. 83.
- 30 См.: Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопр. языкознания. 1998. № 3. С. 83.
- 31 См.: Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980. С. 92–93.
- 32 См.: Шмелев А.Д. Русская языковая модель... С. 34–35.
- 33 См.: Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. М., 1968. С. 43–44.
- 34 См.: Столбовая Л.В. Корреляция фразеологических единиц в русском и английском языках // Форма, значение и функции единиц языка и речи: Материалы докладов междунар. науч. конф.: В 3 ч. Минск, 2002. Ч. 3. С. 38.

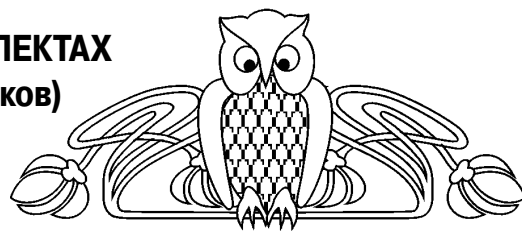
- ³⁵ См.: Бреева Л.В. Некрасова Н.В. Универсальное и национальное в английской фразеологии // Филология. Саратов, 1999. С. 52. Вып. 4.
- ³⁶ См.: Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологизмах (I) // Вопр. языкознания. 1997. № 6. С. 37.
- ³⁷ См.: Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974. С. 149.
- ³⁸ Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / Сост. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. СПб., 2001. С. 318.
- ³⁹ См.: Колодочкина Е.В. Продуктивные фразообразовательные модели французского языка и их использование при создании переводческих аналогов: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. С. 96.
- ⁴⁰ См.: Фролова И.Е. О номинативной функции фразеологизмов с соматическими компонентами шея, hals, neck в русском, немецком и английском языках // Филология. Саратов, 1999. Вып. 4. С. 59.
- ⁴¹ См.: Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996. С. 217.

УДК 811.161.1'37+811.111'37

КОНЦЕПТЫ ВРЕМЕН ГОДА В РЕЛИГИОЗНОМ И СИМВОЛИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ (на материале русского и английского языков)

Т.В. Салашник

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: sal-a-tv@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению концептов времен года в русской и английской лингвокультуре в религиозном и символическом аспектах. Религиозные и символические компоненты встречаются преимущественно в ассоциативном слое концептов. Наличие ассоциаций религиозного характера свидетельствует о существенной роли религии в формировании национального видения мира. Символика способствует более глубокому проникновению в культуру народа, его менталитет, систему верований.

Ключевые слова: концептосфера, концепты времен года, религиозный символ, символика, религия, лингвокультура.

Season Concepts in Religious and Symbolic Aspects (in the Russian and English Languages)

T.V. Salashnik

The article deals with the season concepts from the religious and symbolic perspectives in the Russian and English linguistic cultures. Religious and symbolic components can be generally found in the associative layer of concepts. Religious associations are indicative of the substantial role religion plays in the shaping of the national viewpoint on the world.

Key words: conceptsphere, season concepts, religious symbol, symbolism, religion, linguistic culture.

Концепты времен года входят в категорию культурных концептов. Будучи единицами национальных концептосфер, они аккумулируют в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие особенности каждой из лингвокультур. Совокупность концептов нации представляет собой концептосферу, которая образована всеми связями концептов носителей языка. Чем богаче культура нации, ее фольклор, литература, наука, изобразительное искусство, исторический опыт,

религия, тем богаче концептосфера народа. В настоящее время, когда религиозные доктрины широко распространяются в современном обществе, исследователи проявляют неподдельный интерес к вопросу о том, какую роль религия играет в формировании национальной картины мира этноса. Чтобы ответить на него, на наш взгляд, необходимо определить, какое место в структуре культурных концептов занимают религиозные компоненты и как часто они встречаются. Иными словами, необходимо выявить национально-культурную специфику концептов.

Под концептом понимается единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой¹.

Концепт как единица структурированного знания состоит из компонентов, которые образуют различные концептуальные слои. Разделяя в этом отношении точку зрения В.В. Колесова и Ю.С. Степанова², мы будем выделять в структуре концептов времен года этимологический, образный, понятийный, ассоциативный и символический слои³.

Послойный анализ концептов времен года с точки зрения выявления в них этнокультурной специфики позволяет увидеть национально-специфические компоненты, которые обнаруживаются в каждом из слоев концепта, но наиболее этноспецифичным представляется ассоциативный слой.

Так, в ассоциативных реакциях, данных русскими информантами на время года «весна», религиозный характер имеет ассоциация (*будет*